

АНАТОЛИЙ ТОРКУНОВ

ДЕФИЦИТ ДЕМОКРАТИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Мир меняется в ускоренном темпе. Осенью 2009 г. появились первые признаки того, что ему удастся вырваться из тисков кризиса. Мировую экономику, вероятно, ждет очередная более или менее серьезная реструктуризация. Перед Россией в несколько новом свете стоит задача всесторонней модернизации, от исхода которой во многом может зависеть ее место в послекризисном мире. Для осуществления модернизации необходимы не только новые идеи, проекты, финансовая, техническая и научная база, но и создание целеполагающих мотиваций у всех слоев российского общества, формирование атмосферы созидания. Не менее важно международное взаимопонимание и прагматичное сотрудничество в общих интересах.

1

Одно из определяющих условий модернизационного рывка для России — адекватная оценка современной ситуации. Такая оценка должна базироваться на фундаментальных знаниях о мире, своей стране, ее прошлом и настоящем. Еще важнее — умение хотя бы отчасти прогнозировать вектор мирового развития и свое место в этом развитии в настоящем и будущем. Обозначилась задача формирования такого типа социально-политического и исторического знания, которое вполне точно и достоверно отражало бы не только богатейший и очень разный исторический опыт стран и народов, но и собственно российские гуманитарные ценности и национальные интересы.

Непрекращающиеся споры вокруг проблем внутренней политики, путей разви-

тия, экономической реформы на фоне относительно высокой степени свободы существования разных мнений вызвали в России столкновение множества «околоправд». Судя по общественным дискуссиям, войдя в XXI век, россияне имеют весьма условные знания даже об истории собственной страны, нередко довольно расплывчато представляют логику многовекового существования России в системе мировых координат.

Возможно, поэтому российские элиты и простые граждане весьма остро восприняли наступление мирового экономического кризиса, хотя в принципе жить в кризисных условиях для россиян — не новость. Кризис в очередной раз показал: плюрализм мнений не гарантирует полноты знаний о себе самих и окружающем мире. Люди недостаточно знают, как устроена и функционирует современная международная система, в которой взаимодействуют глобализм, а рядом с ним — страновые, региональные и локальные формы развития. Иногда все три уровня бытия соседствуют внутри отдельных стран и веками не сливаются, не унифицируются в однородный уклад. Все эти обстоятельства существенно влияют на соответствующие страны в целом, на их международное поведение, а через внешние политики — на состояние мировой системы вообще. Вот почему так *важен широкий интеллектуальный диалог — настоящему глобальный, откровенный, основанный на сопоставлении ценностей, но одновременно — и не перегруженный политической предвзятостью.*

Кризис показал, что у человечества есть общие враги. Это не только трансна-

циональный терроризм. Кризис был во многом спровоцирован корпоративным эгоизмом некоторых секторов бизнеса, попустительством ряда правительств, слабостью «интеллектуального контроля» над властью и предпринимательством и, наконец, зависимостью СМИ от «денежного мешка». Поучительно, что кризис не пощадил ни зрелые демократии, ни «страны демократической ориентации», ни авторитарные режимы. Показательно и другое: угроза углубления кризиса сплотила государства мира. Объединившись в формате «группы двадцати», наиболее влиятельные из них приняли на себя ответственность за выработку скоординированной политики преодоления кризиса, оставив — скорее всего, на время — идейно-философские раздоры.

Давайте представим себе, что перед лицом кризиса мы снова разделились бы по принципу большей или меньшей приверженности демократии, более высокой или менее высокой планки демократических стандартов. Как это повлияло бы на жизнь наших народов, наших избирателей, простых людей? Не известно, когда и с какими итогами мир стал бы выходить из кризиса. Пока же мы точно знаем, что нынешний кризис, который все сравнивали с потрясениями 1920–1930-х годов, не только не вызвал сползания к войне, но, наоборот, породил тенденцию к солидарности стран и народов на «антикризисной основе». Мне кажется, что во многом это произошло потому, что идеологические дебаты 2000-х годов все же протекают в общем поле самопричисления большинства стран мира к его демократическому сектору. Ведь споры уже не идут о том, что лучше — «коммунистический строй» или «буржуазная демократия». Мы даже спорим и ссоримся «внутри демократии» — по поводу несовершенств демократических устройств, моделей и форм демократического развития.

Это не означает, что новая, экономически напряженная международная ситуация может служить извинением отсутствию политического прогресса или пово-

дом для ограничения свободы граждан. Но это наводит на мысль, что в мире много проблем, помимо споров о совпадении или несовпадении представлений о том, сколько демократии и свободы нужно каждому человеку и каждому народу на каждом конкретном этапе его истории.

В принципе дефицит демократии есть всюду и всегда. Вопрос в том, каково восприятие демократии в данной стране. С проблемой защиты демократических завоеваний сталкиваются все страны. У демократии есть внешние враги, такие, как международный терроризм. У нее есть и внутренние оппоненты. В их числе — политическое безразличие и апатия, недоверие к власти, цинизм бюрократии, кризис партийных систем, безудержное потребление, кризис моральных ценностей, использование достижений научно-технического прогресса во вред человеку. Поэтому о демократии в своих собственных странах должны заботиться все государства. В их интересах — сотрудничать на этом направлении, не пытаясь спрятаться за скорлупой национальных границ.

Казалось бы, страны, входящие в Европейский Союз, являясь считавшейся демократии. Тем не менее ясно, что одно из важнейших предназначений, например, Лиссабонского договора состоит в том, чтобы сделать Европейский Союз более демократичным, уменьшить колоссальный разрыв между нуждами простого человека и высокими брюссельскими кабинетами, придать ему большую демократическую легитимность. Жители ЕС довольно критично оценивают меру демократичности общих европейских институтов.

Проблема состоит не в том, чтобы убеждать друг друга: давайте быть более демократичными, последовательно и в полном объеме выполнять свои домашние задания по предмету «демократия». Мы все за совершенствование демократического порядка в наших странах. Демократический выбор сделан, за ним — будущее. Проблема заключается в другом. Никто не должен обладать монопольным правом на вынесение неоспоримых суж-

дений и оценок демократичности. Демократическая инквизиция сегодня не нужна, как в прошлом не была нужна инквизиция религиозная.

В мире заметны некоторые обнадеживающие перемены не только в экономике, но и в политике. Администрация президента Б. Обамы в США менее склонна, по крайней мере на настоящем этапе, к построению жестких идеологических концептов. Бывший президент Дж. Буш-младший в значительной степени воспринимал себя абсолютно не критично, ощущая себя своего рода «политическим мессией». Б. Обама, напротив, с новизной образа и чертами непосредственности стал менять восприятие Америки. Новый президент явно понравился гражданам стран ЕС. И мы видим, какой восторженный прием вызывают его выступления в «третьем мире», — который для Буша, заметим, был просто «резервацией изгоев».

При этом ЕС и развивающиеся страны — совершенно разные культурные и экономические миры. Они еще долгое время, может быть всегда, будут сосуществовать, не сливаясь. В Евросоюзе последовательно отживают, например, суверенитет отдельных государств и всех призывают делать то же самое. В странах Азии и Африки такое никому даже не приходит в голову. Там вопрос суверенитета слит с вопросом об идентичности соответствующих стран и является в ряде случаев совершенно «неприкосновенной» идеей. Даже в бывшей Восточной Европе вопрос о суверенитете — предмет серьезных дискуссий. Они в значительной степени развиваются в юридическом, а не политическом русле. Споры происходят вокруг взаимодействия отдельных стран с Европейским Союзом в целом, расширением полномочий ЕС в сфере иностранных дел, обороны, безопасности, финансовой политики. Это только подчеркивает сложности на пути к формированию единого, общего для всех народов стандарта «политического бытия». При том что существуют серьезные сомнения в необходимости такого единого стандарта — возможен ли он в условиях

многообразия стольких качественно различающихся мировых культур? Ответ на этот вопрос не очевиден.

2

Сближать точки зрения и выработать общие правила игры в международных отношениях необходимо. Эффективным инструментом сближения представлений о нормах могут быть многосторонние форматы диалога. Возможно, с учетом недавнего успешного опыта «двадцатки», в последнее время стало заметно некоторое уменьшение «институционального нигилизма», который был присущ интеллектуальным дискуссиям полтора-два года назад. Критичный, но в целом позитивный настрой экспертов говорит о том, что мир перешел в фазу трезвого осмысления достоинств и недостатков многосторонних институтов.

Завершающийся кризис в самом деле показал, что механизмы согласования экономических позиций, будь то традиционные институты МВФ, «группа Мирового банка» или получившая мощный импульс к дальнейшему развитию «группа двадцати» оказываются полезными в деле минимально необходимой координации усилий правительств отдельных государств. Вероятно, поэтому проявились признаки синхронного и относительно быстрого выхода стран из довольно тяжелой фазы спада. Важно отметить, что лидерам мировой экономики удалось ослабить его воздействие на слаборазвитые и бедные страны. Это отличает нынешний кризис от предыдущих потрясений мирового хозяйства, когда бедные страдали больше, чем благополучные.

Показательно и пока непривычно, что нынешняя ситуация — по сути первое глобальное испытание экономического характера, ответ на который Россия искала солидарно со своими партнерами. Кризис конца 1990-х не в счет: включенность России в мировую экономику в те годы была совсем иной, гораздо более примитивной, а участие в «группе восьми» в основном декоративным. В 2008–2009 годах в фор-

мате многосторонних усилий Россия сумела впервые предложить свой, не идеальный, но серьезно обсуждавшийся план реформирования мировой экономики.

Стоит указать и на возникновение более соразмерного соотношения между традиционной межгосударственной дипломатией и многосторонними усилиями на групповой основе. «Группа восьми» и «группа двадцати» – по сути организации клубного типа, собрания избранных. Они представляют собой вариант позитивного «сговора сильных», в котором доминирует государственное, суверенное начало. Чем больше у страны реального политического, экономического, финансового, культурного суверенитета, тем больше у нее шансов оказаться в кругу избранных. Клубные группы вырабатывают общие подходы к выработке международных решений, а сами решения и их осуществление – в значительной мере удел «старых» международных организаций.

Идеальной координации между «новыми» и «старыми» институтами достичь не удастся. Может быть, это хорошо. В противном случае пришлось бы увязнуть в бесконечной и бесплодной работе по реализации грез о «мировом правительстве». Но оптимум достигим – в сущности, к такому стремились Лига наций и ООН. Сегодня разветвленная система многосторонних отношений, в которой сплетены классические международные организации, универсальные, региональные, субрегиональные, секторальные структуры, дополненная «клубами», представляет собой механизм такой координации.

Эта система может бесконечно дорабатываться, корректироваться, создавать весьма жесткие международно-правовые режимы (нераспространения, морского права, прав человека), но в любом случае источником этих изменений остается политическая воля суверенных государств. Решения «группы восьми» или «группы двадцати» не могут быть воплощены в жизнь без содействия со стороны традиционных международных институтов – ООН, Мирового банка, МВФ, ОЭСР, ре-

гиональных и субрегиональных межправительственных организаций.

Движение к взаимодействию клубного формата многосторонних отношений и традиционных международных организаций стало заметно в конце 1990-х годов. Именно тогда последовал целый ряд «перекрещивающихся» инициатив ООН и «группы восьми», взаимных отсылок и цитирования в документах. И это видно не только на примере экономики, но и в сфере нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), в деле противодействия терроризму, в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и отмыванием «криминальных денег».

Неточно мнение о том, что традиционная система многосторонних институтов вытесняется, заменяется элитными клубами. Скорее, наоборот – идет их конвергенция. Возникает тесный и эффективный симбиоз государственного и многостороннего начал в мировой экономике и политике. Клубы придают новый стимул деятельности старых структур, корректируют громоздкие и неповоротливые старые механизмы международных организаций.

Вместе с тем трудно вообразить, что столь многоплановый, разветвленный колосс, как сложившаяся система ООН, может быть чем-либо заменен. Если бы ООН не было, ее сразу пришлось бы придумывать заново. Система ООН и созданные в значительной степени по ее подобию региональные организации общей компетенции (Организация американских государств или Лига арабских государств) фактически являются опорной инфраструктурой современных международных отношений. Проблема состоит в том, как эту инфраструктуру эффективно использовать.

В настоящее время, по данным ООН, в мире продолжается 16 вооруженных конфликтов, причем среди нет ни одного межгосударственного – все они происходят между политическими силами или территориями внутри государств. Казалось бы, можно констатировать хоть какой-то прогресс по сравнению с прежним

десятилетием, когда в мире насчитывался 21 активный «горящий» вооруженный конфликт. Но стоит обратить внимание на другую цифру: помимо 16 открытых вооруженных конфликтов в мире проводится 60 разнотипных миротворческих операций силами ООН и других международных организаций, которые стабилизируют, временно «замораживают» еще шесть десятков конфликтных ситуаций. Если бы не миротворческие усилия международного сообщества, то число «горячих точек» на планете могло бы приблизиться к сотне, при том что на Земле всего около двух сотен стран.

Россия через Совет Безопасности активно поддерживает миротворческие усилия ООН и сама экспериментирует с созданием новых миротворческих механизмов. Идет процесс формирования Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) Организации Договора о коллективной безопасности. В 2009 г. были достигнуты важнейшие договоренности между Россией и рядом центральноазиатских стран о формировании КСОР и развернута практическая работа по созданию коллективных военных контингентов в Центральной Азии.

В связи с этим можно высказать предложение: стабилизация к северу от таджикско-афганской границы силами ОДКБ и КСОР, то есть в Центральной Азии, должна быть скоординирована со стабилизацией к югу от таджикско-афганской границы, в Афганистане и Пакистане, где действует коалиция западных стран. Россия и Запад могли бы совместно гарантировать стабильность в этом расширенном регионе, каждый в своей сфере ответственности. При этом Россия и страны ОДКБ могли бы запросить мандат ООН на стабилизацию границы и создание антинаркотического «пояса» к северу от Афганистана. Ведь Россия и ее центральноазиатские союзники в своих усилиях по пресечению северного канала наркотрафика из Афганистана/Пакистана действуют (и вкладывают немало сил и средств) во имя интересов всей Европы.

Сегодня часто пишут о роли неправительственных субъектов на международной арене. Применительно к сфере безопасности их упоминают в связи с частными военными компаниями. Они действуют в «серой зоне», недоступной для международного права, многостороннего регулирования и сколько-нибудь эффективного демократического контроля со стороны государств.

Это своеобразная форма современного наемничества, которое имеет как политические, так и коммерческие корни. Оборот рынка частных военных услуг по данным ООН составляет сегодня около 120 млрд долларов в год. Россия выступает за принятие новой конвенции ООН, которая ввела бы регулирование деятельности частных военных и охранных компаний со стороны международного сообщества. Ученые и эксперты из МГИМО-Университета приняли активное практическое участие в создании проекта такой конвенции.

Новое начало в российско-американском диалоге по ограничению и сокращению ядерных вооружений уже заявило о себе, но не так быстро и не так радикально, как многие надеялись. По данным на начало 2009 года, в мире (в восьми странах) остается 8392 развернутые ядерные боеголовки (не считая того, что в резервах). И если это количество должно быть уменьшено примерно вдвое после выполнения новых соглашений, над достижением которых сейчас работают Россия и США, то все равно в ядерной сфере остается немало проблем, по которым необходимы изменения в позициях других стран. Возможно, стоит подумать о консолидации разноплановых механизмов работающих в сфере нераспространения. Современный принцип сетевой дипломатии не должен противоречить логике прозрачности и эффективности усилий в столь чувствительной сфере.

До сих пор не вступил в силу Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), заключенный в 1996 году. Очередную проблему в этой сфере создали проведенные КНДР в мае 2009 г.

ядерные испытания, которые снова поставили «безответный» вопрос. Есть ли у международного сообщества критерии и инструменты реагирования на явные нарушения режима нераспространения? Одним из ключей к поиску ответа на этот вопрос могло бы стать реальное вступление в силу ДВЗЯИ. Россия ожидает ратификации этого договора конгрессом США.

«Буксует» заключение Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ). В мире накоплены излишки расщепляющихся материалов объемом в примерно 1379 тонн высокообогащенного урана и 255 тонн оружейного плутония (а также еще 246 тонн «гражданского» плутония). Они не используются в военном секторе, но потенциально пригодны для изготовления ядерных взрывных устройств. Эти «излишки» представляют собой серьезную террористическую опасность. Россия готова работать в направлении выработки новых мер, повышающих защищенность этих материалов и гарантирующих дальнейшее их ненаращивание. В этой связи важнейшей задачей становится создание специального международного режима в сфере использования гражданского, прежде всего энергетического, атома.

Даже беглое перечисление сфер применения многосторонних усилий показывает их ценность и востребованность для государств, их экономического развития, обеспечения внешнеполитической стабильности и внутренней безопасности.

З

Отчужденность между Москвой и Вашингтоном после избрания президентом Б. Обамы стала сменяться настороженным ожиданием вперемешку с осторожным оптимизмом. Отношения все еще «не ушли с развилки»: качнутся они к эскалации взаимных разочарований, или вектор сотрудничества удастся продлить?

Обеспокоенность ситуацией сохраняется и в Вашингтоне, и в Москве. Слишком много Россия и США вложили в улучшение двусторонних отношений в

последние 20 лет, чтобы не было жалко терять плоды трудного и дорогостоящего — для России во всяком случае — сближения. Ясно и другое: нельзя иметь дело с партнером, который не принимает всерьез твои интересы. Как ни важна Америка, дружба или вражда с ней — не главное в жизни российского народа.

Новая черта американской политики — всплеск умеренно заинтересованных рассуждений о России. К этому есть кадровые предпосылки. Из числа специалистов по нашей стране оказалось довольно много новых назначенцев в Совете национальной безопасности США, государственном департаменте и разведсообществе. Основную аппаратную связку составляет tandem бывших послов в России: А. Вершбоу стал заместителем министра обороны по политическим вопросам, а У. Бернс — зеркально — стал заместителем госсекретаря по военным.

Весной 2009 г. бывшие американские послы в Москве инициировали выход в свет от имени Комиссии по отношениям с Россией специального доклада. Его авторы — американские ученые-русоведы, бывшие члены конгресса США и работавшие в России отставные дипломаты — почти все перворазрядные, знающие и искушенные. «Прорусски» настроенных среди них не было — все патриоты Америки, убежденные либералы-державники, одержимые идеей осчастливить мир светом американского понимания мировой гармонии.

Официально комиссия не была двухпартийной комиссией, и ее не создавал конгресс. Она только «дышала» двухпартийностью — это был совместный проект двух мозговых трестов Центра Никсона (республиканский) и Школы Кеннеди (демократический). Это было соцветие умов, людей проницательных и трезвых. Но вряд ли они представляли большинство американской элиты. Поэтому, может быть, мысли формулировали смело.

Во всяком случае, впервые лет за 20 американскому читателю откровенно сказали, например, о том, что интересы США и интересы стран-соседей России не одно и

то же. Истина, казалось бы, очевидная, но при прежнем президенте в Америке так не писали. Были и другие здравые размышления — о том, что Соединенным Штатам не надо бояться российских инвестиций в экономику США и стран ЕС. Авторы ратовали за продление договора СНВ-1, немедленное принятие России в ВТО и отмену уже неприличной «поправки Джексона-Вэника». Среди важных задач еще весной 2009 г. называли новые переговоры о привлечении России к участию в функционировании американской системы ПРО в Польше и Чехии.

И уж совсем революционно звучали мысли о том, что *Америке не надо пытаться строить сферы влияния прямо на границах России и одновременно рассчитывать на «конструктивную реакцию» Москвы*. Ключевая идея доклада — американская администрация должна прекратить попытки игнорировать интересы России потому, что отношения с ней нужны Соединенным Штатам для решения задач американской дипломатии в вопросах нераспространения ядерного оружия и решении «иранской проблемы».

Помощь России нужна Вашингтону и в афганском вопросе, а также непривычно — в обмене разведывательной информацией по терроризму. Американцы признают: в технических перехватах нужных сведений из мирового информационного пространства они достигли высот, а агентурной информации «с мест» по Среднему и Ближнему Востоку им не хватает.

Американские интеллектуалы рекомендовали администрации поменять стилистику отношений с Москвой, отказаться от практики «ставить ее перед фактами» односторонне принятых решений, ограничить поучения по части понимания демократии, наладить систематический диалог по международным проблемам и создать для него специальный механизм, наконец, вернуться к идее применения мер доверия в некоторых вопросах международной безопасности. Некоторые из этих мер уже стали обсуждаться на рабочем уровне представителями обеих стран.

Но при этом США не отказываются от установки: шаги американской дипломатии должны предприниматься с учетом возможности подкрепить их, где возможно — убеждением и экономическими стимулами, а где невозможно — силой. Суть предложений американских коллег — радикально поменять атмосферу российско-американских отношений, вернуть ей дружественность и взаимное уважение. Таким образом предполагалось нейтрализовать недоверие, которое в последние годы распространилось не только в стане левых и крайне правых российских политиков, а также центристов, но даже в кругах умеренных русских либералов. Думающие американцы это уловили. В последние месяцы правления республиканцев Америка стала «терять контакт» с российской элитой и широкой публикой. Его восстановление может быть полезно и США, и России.

Сегодня нет ясности в том, насколько сводимы интересы России и США к «общему знаменателю». Конечно, отказ осенью 2009 г. администрации Б. Обамы от плана размещения элементов инфраструктуры ПРО в Чехии и Польше — смелый шаг и серьезное подтверждение готовности Вашингтона учитывать мнение России. Но значит ли это, что США перестали добиваться реставрации абсолютной стратегической неуязвимости Америки и завтра не последуют другие, более изощренные проекты, подчиненные этой же цели, которая подрывает привычные основания стратегической стабильности?

Российская дипломатия научена опытом разочарований 1990-х годов: «НАТО-изация» Восточной Европы и Черного моря, балканские войны, подрыв отношений с Украиной и, наконец, военная дестабилизация российских границ на Кавказе.

Сегодня есть основания надеяться, что времена меняются. Если США настроены на улучшение российско-американских отношений так же серьезно, как Россия, то непростые переговоры по широкому кругу проблем, в том числе про-

блем региональной безопасности, могут принести успех.

На пути к нему много сложностей. Америке прежде всего важно взаимопонимание с Россией в вопросах нераспространения, частным случаем которого является Иран. Москву волнует реформа системы безопасности в Европе в целом. Многие вопросы могут зависеть от того, насколько возможно взаимопонимание с США по вопросу о такой реформе. Прогнозирование – работа трудная и неблагодарная. Россия хочет устойчивых и дружественных отношений с Соединенными Штатами. Но для российской внешней политики – это не самоцель, а важный инструмент построения более безопасного и благополучного мира. Следовать по этому пути России все равно необходимо – *при возможности, сотрудничая с США, но при необходимости – и действуя полностью самостоятельно.*

Такой подход Москва стремится применять ко многим аспектам международных отношений. Россия – крупнейшая европейская страна, и безопасность в Европе – важнейшая проблема национальной безопасности Российской Федерации. В Москве с интересом следят за успехами интеграционного проекта Евросоюза. Он представляется очень перспективным. В его рамках значительное число европейских государств объединяет свои усилия для преодоления общих проблем и решения общих задач. Созданные в странах ЕС условия экономического процветания и социального мира показывают, что это получается у них достаточно успешно. Лиссабонский договор позволит ЕС действовать еще более эффективно.

Напрямую в нем вопросы построения «Большой Европы» не затрагиваются, хотя в перспективе Европейский Союз будет усиливать свое влияние на развитие всего региона, а не только того, который образует его территорию. Он будет стремиться к экспорту тех политических, юридических и социально-экономических решений, которые для себя нашел. Более того, ЕС пробует добиваться того, чтобы

на них ориентировались и все другие европейские страны.

Россия предлагает более реалистичное в обозримой перспективе и более демократичное видение «Большой Европы». В соответствии с ним Российская Федерация, Европейский Союз, все третьи европейские страны должны совместными усилиями создавать мир, в котором хотели бы жить. Важно, чтобы он строился на равноправной основе и в нем уютно чувствовали себя все страны и народы.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе речи о том, чтобы оставшиеся вне ЕС европейские страны влились в него, не идет. К этому никто не готов. Евросоюз сам этого не выдержит. Вхождение ЕС в «Большую Европу» также не актуально. С одной стороны, ЕС уже находится в «Большой Европе». С другой – «Большая Европа» пока, скорее, надежда на лучшее будущее, чем реальность.

Но до этого лучшего будущего надо еще дожить в мире и спокойствии. Поэтому Россия стремится в согласии с другими странами реформировать основы обеспечения безопасности в Европе. Если для этого требуется перезаключить ранее подписанные договоры или подписать новые, то этим следует поскорее заняться. Например, давно идет речь об адаптации договора об обычных вооруженных силах в Европе или о подписании «Хельсинки-2» – юридически обязывающего (в отличие от «Хельсинки-1») документа об основах европейской безопасности. Есть и другие документы большой важности, разработанные и принятые в рамках ОБСЕ. Их можно использовать, адаптировав к потребностям сегодняшнего дня. Вместе с тем часть договоренностей, которые должны лежать в основе евро-атлантической безопасности, нужно переосмыслить. Они получили порой двусмысленную интерпретацию в практике международных отношений. Задача сегодняшнего дня – найти общее понимание того, как и какие правила игры будут соблюдать все государства, любые администрации и правительственные структуры.

Смысл инициативы президента Д. Медведева о Договоре о европейской безопасности еще более масштабен. Речь идет не только о добрых словах и обещаниях. Требуется усовершенствовать действующие организационные механизмы безопасности в евро-атлантическом пространстве и дополнить их новыми.

Соединенные Штаты, Европейский Союз, Россия и другие заинтересованные страны должны получить возможность «запускать» механизмы превентивной дипломатии и урегулирования конфликтных отношений на самых ранних этапах их зарождения. В этом состоит только одно из предложений, которые сформулированы экспертным сообществом. Сама идея договора задает позитивное направление развитию международных отношений в евро-атлантическом регионе.

Можно предположить, что инициатива разработки договора, затрагивающего прежде всего проблематику «жесткой безопасности», создает предпосылки для более эффективного сотрудничества в области права, экономической и социальной политики. Ведь бизнесу требуется политическая стабильность, правовая и экономическая определенность, уверенность в том, что общие правила игры будут соблюдаться. Поэтому, если удастся приблизиться к созданию более эф-

фективной схемы безопасности в евроатлантическом регионе, решить проблемы взаимного доверия, то и инвестиции пойдут в большем объеме. В больших экономических проектах легче будет договориться, и перспективы сближения правовых порядков и гармонизации отношений в «Большой Европе» станут менее иллюзорными.

* * *

Необходим открытый непредвзятый диалог о том, что разделяют народы, о том, что их сближает или может сблизить. Важнейшим итогом прошедших 20 лет является исчезновение старого, по-настоящему антагонистического идейно-политического раскола мира. Но люди незаметно привыкли к его отсутствию и перестали его ценить. Им даже стало казаться, что почти ничего не изменилось, и можно снова рисковать большими конфликтами ради победы в частных и ограниченных спорах. Этот «синдром привыкания к миру» в чем-то похож на «синдром привыкания к отсутствию экономических кризисов», от которого всех нас только что грубо, бесцеремонно и за большую цену вылечила глобальная рецессия. Было бы ошибкой допустить, чтобы и ценность мира человеку пришлось заново осознавать через кризис.